

УДК 339.923

Голобоков А.С.
Golobokov A.S.

Роль России и Китая в создании модели региональной энергетической безопасности в Северо-Восточной Азии

The role of Russia and China in creation of energy security regional model in North-East Asia

В статье рассматриваются вопросы создания модели энергетической безопасности в Северо-Восточной Азии в контексте реализации энергетических проектов России и Китая. Анализируются элементы стратегии двух основных участников энергетического рынка и их реализация в рамках соглашений и договорённостей на региональном и субрегиональном уровнях. Исследуются системные проблемы построения структуры региональной безопасности с участием России и Китая и возможности использования энергетических механизмов в рамках действующих и запланированных программ двустороннего и многостороннего сотрудничества. Оцениваются факторы использования ресурсного потенциала Дальнего Востока для гармоничного социально-экономического развития СВА.

Ключевые слова: *Россия, КНР, Восточный экономический форум, энергетическое сотрудничество, «Один пояс – один путь», российский Дальний Восток*

The article regards the numerous questions of creation of the energy security model in North-East Asia in a context of Russian and Chinese energy projects functioning. Strategy elements of two major participants of Asian energy market and the realization of these strategies in the frame of different agreements and contracts on regional and sub regional levels are analyzing. System problems of building regional security structure with Russia and China participation and possibilities of using energy mechanisms in acting and planned programs of bilateral and multilateral cooperation. Factors of using Far East recourses potential for harmonic social-economic development of North-East Asia are estimating.

Key words: *PRC, Russia, energy cooperation, East economic forum, «One belt – one way», Russian Far East*

Политико-экономическое развитие Северо-Восточной Азии (СВА) тесно связано с созданием новой модели региональной энергетической безопасности, обеспечивающей условия, при которых потребитель имеет надёжный доступ к необходимой ему энергии, а поставщик – к её потребителям [14]. Появление такой модели осложняется рядом факторов, основными из которых являются отсутствие единого подхода к добыче и использованию нефтегазовых ресурсов; падение мировых цен на нефть; экономический спад в Китае, блокирующий увеличение объёмов инвестиций и торговли; перспективы дальнейшего падения ВВП России на

фоне ухудшившихся экономических условий; слабо развитая транспортная инфраструктура и недостаточный объём геологоразведочных работ, сопровождающие дефицит и неэффективность использования внутренних инвестиционных ресурсов в США.

Одновременно с этим последние несколько лет наблюдалась значительная интенсификация на официальном уровне российско-китайского энергетического сотрудничества. Сюжеты, связанные с наращиванием энергетической мощи Китая и России, а также их отношениями и влиянием на систему региональной энергетической безопасности нашли достаточно широкое распространение в научной литературе и в СМИ. Однако остаются малоизученные аспекты, которые при должном освещении помогут понять механизмы повышения эффективности российско-китайского энергетического сотрудничества. В данной работе поставлена цель: рассмотреть вопросы создания модели энергетической безопасности в Северо-Восточной Азии в контексте реализации энергетических проектов России и Китая и оценить возможности использования ресурсного потенциала Дальнего Востока для гармоничного развития энергетического сотрудничества России, Китая и других сопредельных стран.

В 2014 г. были приняты два важнейших документа, имеющие стратегическое значение: пакет соглашений о расширении кооперации между компаниями России и Китая в области энергетики и тридцатилетний двусторонний договор поставки трубопроводного природного газа (СПГ) по «восточному» маршруту, заключённый в ходе двусторонней встречи В. Путина и Си Цзиньпина в Шанхае. Результатом сотрудничества в нефтяной сфере стал запуск в работу трубопроводной ветки «Сковородино-Мохэ-Дацин», которая является ответвлением российского нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан», реализованного с привлечением китайского займа. Из перспективных, но пока не реализованных проектов следует отметить проект поставки газа по восточному маршруту с Чаяндинского месторождения в Якутии, эксплуатация которого начнётся в 2018 г. в объёме 38 млрд. кубических метров в год [11, с. 124–142]; а также анонсирование строительства газопроводов «Сила Сибири» и «Сила Сибири-2» («Алтай»).

На Саммитах БРИКС и ШОС в 2015 г. В. Путин отметил необходимость наполнять энергетическое сотрудничество конкретными проектами [13]; а на Восточном экономическом форуме, прошедшем во Владивостоке в 2015 г., проявилась позиция правительства, облегчающая допуск иностранных компаний к освоению стратегических месторождений углеводородов на российской территории. На экономическом форуме, прошедшем в феврале 2016 г. в г. Красноярске, вице-премьер правительства РФ А. Дворкович пригласил китайские компании к полномасштабному участию в освоении стратегических газовых и нефтяных месторождений и созданию транспортной инфраструктуры в Сибири и на Дальнем Востоке России [1].

Указанные события свидетельствуют о существенной корректировке Россией энергетической политики, разработанной в середине 2000-х гг. и демонстрируют очевидное стремление руководства страны к значительному расширению влияния в Северо-Восточной Азии посредством реализации энергетических проектов. Согласно энергетической стратегии России на период до 2035 г., Москва стремится к диверсификации энергетических потоков для снижения зависимости от европейского рынка и закрепления на растущем энергетическом рынке США. Одновременно с этим Россия стремится расширить долю нефтегазовой сферы в своей региональной экономике. Энергетическая стратегия России предусматривает развитие на территории Дальнего Востока про-

ектов генерации и транспортировки энергии, основной целью которых является освоение природных ресурсов усилиями крупных корпораций в форме государственно-частного партнёрства [16].

В число интересов энергетической политики России на пространстве СВА входит модернизация существующих энергетических мощностей внутри страны, в КНР и Центральной Азии; использование таких неправительственных организаций как Энергетического Клуба и Делового Клуба Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) для многосторонних переговоров и создания единого энергетического рынка; развитие образовательных проектов ШОС, БРИКС и российско-китайских соглашений в разработке новых стратегий и привлечении кадров высшей квалификации; наращивание инновационно-модернизационного вектора экономического развития энергетики России и Китая; а также проработка нормативной основы и информационного сопровождения энергетических проектов в центрально-азиатском регионе. Некоторые российские и китайские эксперты выдвигают тезис о возможности формирования системного российско-китайского энергетического альянса, способного со временем решить задачу создания энергетического кольца Северо-Восточной Азии [7].

В свою очередь, Китай выстраивает в Северо-Восточной Азии собственную систему региональной безопасности и с этой целью создаёт структуру производства, в большей степени соответствующую задачам его модернизации и технического обновления. Наблюдается как активное непосредственное государственное регулирование, так и воздействие на рынок через государственные активы в корпоративном секторе, такие, как Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC). Решая задачу выравнивания социально-экономического развития прибрежных и континентальных районов, КНР осуществляет комплексную поддержку разработки национальных месторождений и нефтегазовых проектов за рубежом (в частности, в Центральной Азии).

Несмотря на то, что Китай самостоятельно обеспечивает львиную долю своих энергетических потребностей, по нефти у него наблюдается высокая степень зависимости от импорта. По данным Управления США по энергетической информации в 2020 г. уровень зависимости Китая от импортных нефтяных ресурсов составит 62,8 %, а в 2025 г. достигнет 68,8 % [8, с. 51]. Рост импорта при наличии собственных запасов обусловлен тем, что, во-первых, темпы экономического роста КНР превышают темпы развития нефтегазовой инфраструктуры в стране; во-вторых, основные месторождения углеводородов сосредоточены на западе КНР, а экономический рост локализован в прибрежных юго-восточных провинциях Китая; в-третьих, стоимость освоения, добычи и транспортировки углеводородов на месторождениях КНР зачастую превышает стоимость импортируемых энергоносителей из Центральной Азии.

Энергетическая стратегия Китая предусматривает диверсификацию энергоресурсов посредством увеличения доли природного газа, использования существующих нефтегазовых месторождений в Китае и роста поставок из Центральной Азии и России для минимизации транзитных рисков. В ситуации падения мировых цен на нефть Китай в конце 2015 г. увеличил собственную добычу сланцевого газа в провинции Сычуань, что позволило властям Китая наложить давно планируемые ограничения на добычу в стране каменного угля. Действуя в соответствии с приоритетными направлениями, изложенными в китайской стратегии энергетической безопасности: «экономия», «технологические инновации», «диверсифицированное сотрудничество» [17], Китай разнообразил поступление энергоресурсов разработкой месторождений в Таримской впадине и впадине Ордос, постройкой нефтеперерабатыва-

ющих предприятий в Караме, Урумчи, Ланьчжоу и Куньмине и в течение ближайших 5–10 лет будет в состоянии обеспечить энергетическую безопасность в западных и юго-западных областях страны.

Поскольку КНР не вошла в группу стран-энергопотребителей Международного энергетического агентства (МЭА), а также не принадлежит к числу стран-участников ОПЕК, особенности участия Китая в многостороннем сотрудничестве по энергетике связаны, в основном, с собственными инициативами по формированию финансовых институтов и зон свободной торговли в зонах стратегических интересов АТР и СВА. Китай играет ключевую роль в формировании Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП) с участием 16 стран [18]. В 2014–2015 гг. Пекин инициировал формирование двух новых финансовых институтов: Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Нового банка развития БРИКС (со штаб-квартирами в Пекине и Шанхае соответственно). Основной программой, включающей в себя задачу обеспечения евроазиатской энергетической безопасности является выдвинутая Си Цзиньпином в 2013 г. инициатива «Один пояс – один путь», которая должна связать наименее обеспеченный регион Китая – Синьцзян-Уйгурский автономный район – с Центральной Азией, Ираном, Турцией и Европой.

Таким образом, для решения своих энергетических задач Китай ориентируется на универсальную архитектуру региональной энергетической безопасности, которая будет опираться на сеть финансовых инструментов, неформальных контактов государственных, деловых и академических кругов.

Анализируя перспективы политико-экономических отношений России и КНР, западные учёные, полагают, что китайская и российская стратегии являются частью «политики силы», растущей с ослабеванием Запада и связанной с притязаниями на часть регионального пространства [19, р. 2]. Отмечается, что в стратегии России произошла переоценка роли регионализма, в связи с чем российское руководство пытается риторически противостоять «европоцентристской» идеологии и отделить отношения с Китаем от всех остальных отношений в регионе из-за слишком большой экономической зависимости Дальнего Востока России от КНР [20, pp. 138–148].

В то же время, очевидно, что в своём выстраивании моделей энергетического сотрудничества в СВА оба государства неизбежно столкнутся с системными проблемами. Россия как относительно новый игрок на азиатском региональном поле после «поворота на Восток» и поиска дополнительных источников развития дальневосточного направления экономики встретила с очень осторожной позицией ряда стран СВА, а также с достаточно сильной конкуренцией в энергетике со стороны стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Китай, которому в реализации предложенных моделей регионализма предстоит системная работа со всеми потенциальными партнёрами, по территории которых пролягут «новые шёлковые пути», неизбежно встретит на этом пути противодействие ряда крупных акторов и будет нуждаться в союзниках, и здесь важно учитывать новую ситуацию его стратегического сближения с РФ [15, с. 9].

В условиях обоюдной заинтересованности в снижении конкуренции за центрально-азиатские энергоресурсы и поступательном развитии региона Россия и Китай в последние два года демонстрировали положительную динамику в обеспечении энергетической безопасности. Как показало заключённое в 2015 г. новое соглашение между российской компанией «Росатом» и китайскими компаниями в строительстве Тяньваньской АЭС, сотрудничество в области атомной энергетики продолжает оставаться для России одним из ключевых факторов энергетической

стратегии в КНР [5] В свою очередь, китайская корпорация «Кэжуй» спланировала в течение 2016 г. закрепиться в России с новыми технологиями бурения скважин, оценивая конкуренцию на российском рынке как не слишком высокую [9].

Одновременно с этим, оба государства испытывают «дефицит безопасности» на фоне обострения «системных дисбалансов в мировой экономике, в финансах, в торговле,.. размывания традиционных нравственных и духовных ценностей» [2]. При этом негативное влияние на ход двустороннего российско-китайского энергетического сотрудничества оказывают не только антироссийские санкции, удорожание ряда профильных услуг в КНР и девальвация российского рубля. Наряду с экономическим спадом в Китае, блокирующим увеличение объёмов инвестиций и торговли по «газовым» контрактам 2014 г., следует отметить отсутствие значимого прогресса по «западному» трубопроводу «Алтай»; несоответствие задач региональных программ развития приграничных регионов в России и Китае; слаборазвитую программу приграничного сотрудничества между дальневосточными областями России, северо-востоком Китая и другими региональными экономическими державами на фоне диспропорций в российской региональной экономике.

Уязвимая цена на газ и недоработанные соглашения о финансировании, фактически привязанные к контрактам на уровне государственных корпораций, не допускают в область энергетики субъекты регионального бизнеса, как с российской, так и с китайской стороны. Большинство проектов, реализуемых с привлечением китайских инвестиций, посвящены добыче и переработке природных ресурсов на территории России, что не в полной мере отвечает российским интересам по развитию производства на Дальнем Востоке. К примеру, с декабря 2013 г. через пограничный переход Махалино-Хунчунь осуществлялась перевозка из России в Китай только одного рода груза – угля [6]. Как следствие, полностью отсутствует интерес китайских инвесторов к проектам Республики Саха (Якутия), Камчатского, Приморского и Хабаровского краёв, Сахалинской области и Чукотского автономного округа [10]. Кроме того КНР пока занимает наименьшую из трёх стран (Япония – 79,9 %, Республика Корея – 19 %, Китай – долю 1,1 %) долю в поставках природного газа в форме СПГ, которые осуществляются из дальневосточного терминала СПГ, построенного в рамках проекта «Сахалин-2» [3].

Несмотря на ряд соглашений, достигнутых в рамках первого (2015 г.) и второго (2016 г.) Восточного Экономического форумов (ВЭФ), российско-китайские экономические отношения до сих пор в значительной степени ассиметричны. Россия находится фактически на периферии китайского энергетического рынка, и Китай не спешит расширять российское присутствие, решая свои энергетические проблемы за счёт связей с Туркменией, Казахстаном и т.д. Таким образом, Россия пока больше зависит от Китая в энергетической сфере, чем Китай от российских углеводородов. Большинство исполненных договорённостей Москвы и Пекина касаются сырой нефти, что чревато превращением России в сырьевой придаток Китая и повышает важность скорейшего решения вопроса о выстраивании гармоничной региональной энергетической безопасности в СВА, прежде всего для России.

С совпадением политической воли и экономических инициатив обеих сторон в ходе таких мероприятий, как Азиатский экономический форум в Боао, Восточный экономический форум (ВЭФ) во Владивостоке и Красноярский экономический форум были предприняты попытки координации усилий по реализации стратегий регионального развития России и северо-востока Китая по обеспечению энергетической без-

опасности приграничных областей. По итогам ВЭФ было предложено направить усилия на реализацию проекта Приморского энерговодоохозяйственного комплекса (ПЭВК) и строительство ГАЭС в 45 км от Владивостока и ГЭС на реке Раздольной. Ещё один проект в рамках приграничного энергетического сотрудничества российских и китайских компаний ГЧП – газовая ТЭЦ мощностью 226 МВт по электрической и 342 Гкал/ч по тепловой энергии на северо-западной окраине г. Уссурийска (Приморский край), которую «РАОЭС Востока» вместе с Хэйлуницзянским энергомашиностроительным альянсом «Амур Энерго-Строй Альянс» рассчитывают реализовать к 2019 г. [12].

Фактически озвученная на первом и закреплённая на втором Восточном экономическом форумах идея использования ресурсного потенциала Дальнего Востока для гармоничного социально-экономического развития региона Северо-восточной Азии способна в дальнейшем стать основой новой парадигмы российско-китайского энергетического сотрудничества, а также будет полезна при дальнейшей разработке модели региональной энергетической безопасности, включающей в себя совокупную оценку геоэкономических рисков России и других стран на этом пространстве. При этом региональная безопасность предполагает острую необходимость диверсифицировать энергетическую политику России в АТР и на Дальнем Востоке за счёт других сильных игроков (Южной Кореи, Японии, Индии и пр.), чтобы избежать излишней экономической зависимости от единственного партнёра – КНР.

Для этого необходимо на региональном уровне обеспечить надёжные гарантии масштабных инвестиций в новые проекты по сжижению природного газа и разработке сланцевого газа; юридически закрепить единообразные правила формирования тарифов на энергоносители и возможности государственного регулирования этих тарифов с исчерпывающим перечислением оснований; добиваться создания в регионе стратегических запасов нефти и газа для обеспечения устойчивости и предсказуемости энергетического рынка в СВА; гарантировать безопасность сухопутных и морских путей доставки энергетических ресурсов ввиду надёжности транзита как ключевого элемента энергетической безопасности. С целью выстраивания региональной энергетической безопасности в отсутствие в СВА профильной международной организации, способной регулировать взаимодействия на региональном уровне целесообразно использовать привлечение России к соглашению о ВРЭП (предпосылкой к чему может являться соглашение между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и АСЕАН о зоне свободной торговли и недавнее вступление России в АБИИ), а также соединение элементов китайской инициативы «Один пояс – один путь» с ЕАЭС с вовлечением в этот процесс Белоруссии, Киргизии, России, Казахстана и Армении.

На субрегиональном уровне необходимо максимально использовать наметившуюся дальневосточную модель улучшения предпринимательского климата, подразумевающую упрощение процедуры заключения соглашений по осуществлению международных и внешнеэкономических связей между субъектами РФ и субъектами иностранных государств. Целесообразно разработать систему отношений, при которой регионы получают больше прав в распоряжении доходами от продажи ресурсов, добываемых на их территории, для развития местного производства [4, с. 63–71], а также создание совместного кредитно-финансового института инвестирования для долгосрочного финансирования российско-китайских энергетических проектов с привлечением государственной поддержки субъектов Российской Федерации, обеспечивающих реализацию ключевых инвестиций на их территории [17].

Условиями для обеспечения региональной безопасности в СВА также являются приведение к международному уровню инфраструктурной обеспеченности в России и Китае; превращение ряда субъектов региона в экономически самодостаточные, взаимосвязь трансформации государственной региональной политики и сбалансированных государственных и региональных интересов, а также расширение границ равноправной конкурентной среды, исключая монополизм. При условии достижения синергетического эффекта использования вышеуказанных политических и экономических инструментов Россия и Китай смогут создать взаимовыгодную модель региональной энергетической безопасности в Северо-Восточной Азии, не зависящую от условий других игроков.

Литература

1. Аркадий Дворкович: политических препятствий для работы с Китаем нет // Красноярский экономический форум. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krasnoforum.ru/news/348> (дата обращения: 25.03.2016 г.).
2. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на Совещании послов и постоянных представителей России. М., МИД, 1.07.2014 г. // Министерство иностранных дел РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/793F91B02AEF462844257D080050E43B (дата обращения: 25.03.2016 г.).
3. Внешняя торговля Сахалинской области. // Правительство Сахалинской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admsakhalin.ru/in dex.php?id=152> (дата обращения: 23.11.2015 г.).
4. Гельбрас В.Г. Россия и Китай в условиях глобального кризиса / В. Гельбрас // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 11. С. 63–71.
5. Голобоков А.С. Энергетическое сотрудничество России и Китая и роль в нем многосторонних неправительственных механизмов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2.
6. Грузоперевозка на ДВЖД через железнодорожный погранпереход Махалино (РФ) – Хуньчунь (КНР) с декабря 2013 года достигла 100 тыс. тонн. // Информационно-аналитическое агентство «ПортНьюс». [Электронный ресурс]. URL: <http://ns1.rus-shipping.com/news/176584/> (дата обращения: 15.03.2016 г.).
7. Иванов И., ред. Российско-китайский диалог: модель 2015, доклад № 18/2015. Москва, Спецкнига, 2015 // Российский совет по международным делам. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_Russia_China_Report.pdf (дата обращения: 28.03.2016 г.).
8. Ли Син, Ван Чэнсин Стратегия энергетической безопасности Китая в Центральной Азии. // Сравнительная политика. 2013. № 2 (12). С. 50–59.
9. Китайская Керси планирует выйти на российский рынок с новыми технологиями бурения // Нефть России: новости ТЭК. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oilru.com/news/508542/> (дата обращения: 27.03.2016 г.).
10. О ходе реализации Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-востока Китайской Народной Республики (2009–2018 годы) в 2014 году // МАДВиЗ. [Электронный ресурс]. URL: <http://assoc.khv.gov.ru/regions/foreign-economic-activities/russian-chinese-cooperation-program-monitoring/788> (дата обращения: 15.03.2016 г.).

11. Реутов Д.А. Энергетическая безопасность государств Северо-Восточной Азии и сотрудничество с Россией. // Конкурирующие модели и современные тенденции восточноазиатского и азиатско-тихоокеанского регионализма. Монография. Владивосток: ДВФУ. 2014. С. 124–142.

12. От «Роснано» до Чукотки // ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/stati/2248370> (дата обращения: 20.03.2016 г.).

13. Путин: один из приоритетов ШОС – сотрудничество в финансовой сфере // РИА-Новости. [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/economy/20150710/1124546711.html> (дата обращения: 28.03.2016 г.).

14. Сапир Ж. Энергобезопасность как всеобщее благо // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_7780 (дата обращения: 2.03.2016 г.).

15. Севастьянов С.В. Интеграционные проекты Китая в АТР и Евразии [Текст] / С. Севастьянов // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 4. т. 60. С. 5–12.

16. Энергетическая стратегия России на период до 2035 года (основные положения) // Аналитический центр при Правительстве РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://ac.gov.ru/files/content/1578/11-02-14-energostrategy-2035-pdf.pdf> (дата обращения: 20.03.2016 г.).

17. China's largest shale gas project goes into production // China Daily. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2015-12/29/content_22854076.htm (дата обращения: 28.03.2016 г.).

18. China Urges Faster Economic Integration, Financial Stability in East Asia // China Daily. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/201511attendsASEAN/2015.11/22/content_22508107.htm (дата обращения: 28.03.2016 г.).

19. De Wijk, R. Power Politics. How China and Russia Reshape the World. Amsterdam: Amsterdam University Press. 2015. 212 pp.

20. Kuhrt N.C. Russia and Asia-Pacific: From 'Competing' to 'Complementary' Regionalisms // Political Studies Association. 2014. vol. 34, issue 2. Pp. 138–148.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Arkadij Dvorkovich: politicheskikh prepyatstvij dlya raboty s Kitaem net // Krasnoyarskij ehkonomicheskij forum. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krasnoforum.ru/news/348> (дата обращения: 25.03.2016 г.).

2. Vystuplenie Prezidenta Rossijskoj Federatsii V.V. Putina na Soveshhanii poslov i postoyannykh predstavitelej Rossii. M., MID, 1.07.2014 g. // Ministerstvo inostrannykh del RF. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/793F91B02AEF462844257D080050E43B (дата обращения: 25.03.2016 г.).

3. Vneshnyaya trgovlya Sakhalinskoj oblasti. // Pravitel'stvo Sakhalinskoj oblasti. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admsakhalin.ru/in dex.php?id=152> (дата обращения: 23.11.2015 г.).

4. Gel'bras V.G. Rossiya i Kitaj v usloviyakh global'nogo krizisa / V. Gel'bras // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2011. № 11. S. 63–71.

5. Golobokov A.S. EHnergeticheskoe sotrudnichestvo Rossii i Kitaya i rol' v nem mnogostoronnikh nepravitel'stvennykh mekhanizmov // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2015. № 2.

6. Gruzoperevozka na DVZHD cherez zheleznodorozhnyj pogranperekhod Makhalino (RF) – KHun'chun' (KNR) s dekabrya 2013 goda dostigla 100 tys. tonn. // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo «PortN'yus». [Электронный ресурс]. URL: <http://ns1.rus-shipping.com/news/176584/> (дата обращения: 15.03.2016 г.).

7. Ivanov I., red. Rossijsko-kitajskij dialog: model' 2015, doklad № 18/2015. Moskva, Spetskniga, 2015 // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_Russia_China_Report.pdf (дата обращения: 28.03.2016 г.).

8. Li Sin, Van Chehnsin Strategiya ehnergeticheskoy bezopasnosti Kitaya v TSentral'noj Azii. // Cravnitel'naya politika. 2013. № 2 (12). S. 50–59.
9. Kitajskaya Kerui planiruet vyiti na rossijskij rynek s novymi tekhnologiyami bureniya // Neft' Rossii: novosti TEHK. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.oilru.com/news/508542/> (data obrashheniya: 27.03.2016 g.).
10. O khode realizatsii Programmy sotrudnichestva mezhdu regionami Dal'nego Vostoka i Vostochnoj Sibiri Rossijskoj Federatsii i Severo-vostoka Kitajskoj Narodnoj Respubliki (2009–2018 gody) v 2014 godu // MADViZ. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://assoc.khv.gov.ru/regions/foreign-economic-activities/russian-chinese-cooperation-program-monitoring/788> (data obrashheniya: 15.03.2016 g.).
11. Reutov D.A. EHnergeticheskaya bezopasnost' gosudarstv Severo-Vostochnoj Azii i sotrudnichestvo s Rossiej. // Konkurriruyushhie modeli i sovremennye tendentsii vostochnoaziatskogo i aziatsko-tikhoookeanskogo regionalizma. Monografiya. Vladivostok: DVFU. 2014. S. 124–142.
12. Ot «Rosnano» do CHukotki // TASS. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://tass.ru/stati/2248370> (data obrashheniya: 20.03.2016 g.).
13. Putin: odin iz prioritetov SHOS – sotrudnichestvo v finansovoj sfere // RIA-Novosti. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://ria.ru/economy/20150710/1124546711.html> (data obrashheniya: 28.03.2016 g.).
14. Sapir ZH. EHnergobezopasnost' kak vseobshhee blago // Rossiya v global'noj politike. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_7780 (data obrashheniya: 2.03.2016 g.).
15. Sevast'yanov S.V. Integratsionnye proekty Kitaya v ATR i Evrazii [Tekst] / S. Sevast'yanov // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2016. № 4. t. 60. S. 5–12.
16. EHnergeticheskaya strategiya Rossii na period do 2035 goda (osnovnye polozheniya) // Analiticheskij tsentr pri Pravitel'stve RF. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://ac.gov.ru/files/content/1578/11-02-14-energostrategy-2035-pdf.pdf> (data obrashheniya: 20.03.2016 g.).
17. China's largest shale gas project goes into production // Shina Daily. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2015-12/29/content_22854076.htm (data obrashheniya: 28.03.2016 g.).
18. China Urges Faster Economic Integration, Financial Stability in East Asia // Shina Daily. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2015liattendsASEAN/2015.11/22/content_22508107.htm (data obrashheniya: 28.03.2016 g.).
19. De Wijk, R. Power Politics. How China and Russia Reshape the World. Amsterdam: Amsterdam University Press. 2015. 212 pp.
20. Kuhrt N.C. Russia and Asia-Pacific: From 'Competing' to 'Complementary' Regionalisms // Political Studies Association. 2014. vol. 34, issue 2. Pp. 138–148.